

Основы канонических связей и отношений

Протоиерей Игорь Прекуп

Аристотель определил человека, как «существо общественное» (**ζῷον πολιτικόν** <зоон политикон>, другой распространенный перевод: «общественное животное»), не приравнивая его к прочим животным, но подчеркивая его разумность как основу способности выстраивания отношений с себе подобными, составлять общества и устраивать сообщества, отличающихся от стад и стай тем, что жизнь в них регулируется не инстинктами, а морально и рационально обоснованными писанными и неписанными правилами и законами¹.

Даже жизнь такого, основанного на глубоко личных чувствах и интимных отношениях, сообщества, как семья, тоже законодательно регламентируется и регулируется. Другое дело, что государство, определяя признаки брака (в Эстонии с 2024 г. – это союз двух физических лиц, без уточнения, как раньше, что он заключается между мужчиной и женщиной), а также, устанавливая права членов семьи (например, не свидетельствовать друг против друга) и их обязанности (в том числе, материальные), вводя определенные ограничения, такие как возрастной ценз, запрет многоженства и близкородственных браков и пр., не вторгается (во всяком случае, не должно) во внутреннюю жизнь семьи.

Например, в случае недолжного обращения одного супруга с другим или совершения одним из них уголовного преступления и т.п., возможен развод, но никто, в том числе и государство, не вправе ни при каких условиях *принуждать их* к разводу. То есть государство поддерживает желание страдающей стороны прекратить порочные отношения, но не обязывает разрывать их; поддерживает нежелание иметь чего-либо общего с человеком,

---

¹ «...Государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек... <...> ...Человек есть существо общественное в больше степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные... <...> ...Только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п. <...> ...Человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позывах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политической жизни» (*Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 378–380*).

совершившим преступление и опозорившим семью, поддерживает стремление «перевернуть страницу» и начать новую семейную жизнь, но никаким образом к этому не подталкивает.

Или, например, п. 3 ч. 1 ст. 103 Закона о семье предусмотрено, что, например, дети могут быть освобождены от обязанности предоставления материального содержания нуждающимся родителям неспособным содержать себя самими, если последние совершили против них или против близких им людей умышленное преступление, но никто не вправе *запретить* им поддерживать своих родителей, даже если эти люди – изверги рода человеческого и чудовища мирового масштаба. Иначе говоря, право государства контролировать и регламентировать институт семьи строго ограничено той областью, которая касается защиты личности и общества, но оно оставляет неприкосновенной сферу внутренних отношений, даже если можно предположить, что на этом уровне оказывается дурное влияние, которое может повлечь за собой антиобщественные поступки.

Мы к этому вопросу важности самоограничения государства в демократическом обществе еще вернемся в контексте церковно-государственных отношений.

Закон и право

Любое общество и сообщество управляются принятыми в нем и/или установленными в его отношении нормативными системами, будь то обычаи (так называемое «обычное право»), положительное право и естественное, которые могут иногда вступать в противоречие между собой.

Положительное право (*jus positivus*) – это совокупность правовых актов, изданных законодательной властью государства и действующих в нем, а естественное право (*jus naturale*) – совокупность прав, присущих личности в силу самой принадлежности к роду человеческому, а потому неотъемлемых и не зависящих от законодательных органов, политических веяний и даже от самого носителя естественного права. Наилучшим образом сущность естественного права, как основы положительного права, выражена в статье 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»². Мы можем отказаться от своих гражданских прав и даже добиться их ограничения, но никто не властен над правами, присущими нам по природе: от них, опять же,

---

² Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.07.2025).

можно отречься, но невозможно освободиться. Правами человека можно не пользоваться, это личный выбор, но невозможно перестать быть их носителем. Естественные права и свободы человека – это основа самой государственности и государственного законодательства. А потому, *противоречащие естественному праву государственные законы, являются противоправными.*

Кстати, тем и отличается верховенство права от верховенства закона, что второй принцип может быть использован во зло. Люди, представляющие в тот или иной исторический момент законодательную власть, могут руководствоваться мотивами, противоречащими естественной нравственности и естественному праву, как это произошло, например, в нацистской Германии.

Идея, абсолютизовавшая положительное право, десятилетиями определяла правосознание немецких юристов, а потому многие судьи, руководствовавшиеся принципом «закон есть закон», после прихода Гитлера к власти оказались, как отметил выдающийся немецкий правовед Густав Радбрух, «беззащитными перед законами оправдывающими произвол, законами ужасными и преступными»³, и стали невольными соучастниками в преступлениях нацистского режима.

Все вышеизложенное относится ко всему человечеству во всем его многообразии (в том числе и к той его части, которая себя не отождествляет с постхристианской цивилизацией), поскольку международные правовые соглашения строятся на представлениях, уходящих корнями в Древний Рим, получивший 2000 лет назад христианскую прививку, что принесло соответствующий плод: корпус канонического и церковного права.

Подобно тому, как положительное право строится на естественном праве, концепция которого сформировалась в результате синтеза античной философии и христианства, положительное церковное право исходит из основ христианского мировоззрения в целом и экклесиологии (отрасль догматического богословия, учение о Церкви) в частности.

Условие адекватности отношения к Церкви

Размышляя и рассуждая о том, что касается сущности Церкви и ее устройства, мы оказываемся не в каноническом, а в более глубоком догматическом дискурсе. И первое, что нужно иметь в виду, когда мы прикасаемся к догматическим истинам, в том числе, когда пытаемся понять

---

³ Радбрух Густав. Законное неправое и надзаконное право [Электронный ресурс] // Smart Power Journal (SPJ). URL: <https://smartpowerjournal.ru/gradbruch/> (дата обращения: 14.07.2025).

природу Церкви и церковности, – это неопределимость богооткровенной⁴ истины рациональными формулировками. Будучи «истинами об Истине»⁵, догматы *не формулируют*, а *обозначают* истину, проводят границу между ней и ложью о ней, ограждая тем самым истину от искажений от подмен, утрат и чуждых примесей. Язык догматических определений и описаний поэтому неизбежно поэтичен, метафоричен. Свящ. Павел Флоренский называет догматику «музыкальной темой», потому что догматы не нелогичны, а сверхлогичны. «...Свое знание догматической истины вера облекает в символическую одежду, в образный язык, последовательными противоречиями прикрывающий высшую истинность и глубину созерцания»⁶. Именно в том, что «Священное Писание и догматы – выше плотской рассудительности»⁷, состоит свидетельство их непридуманности человеком, проявляется их богооткровенное происхождение. Поэтому, говоря о Церкви – ее природе, структуре, каноническом устройстве, взаимоотношениях с обществом и государством – мы неизбежно оперируем образами и символами, апеллируя к ценностям и явлениям порой не поддающимся рациональному описанию. Никто, находясь вне «церковной ограды», разумеется, не обязан верить в истинность исповедуемых церковным сообществом убеждений и в богооткровенное происхождение догматов. Достаточно просто принять всерьез если не исповедуемые Церковью убеждения, то хотя бы ее право руководствоваться ими в своей внутренней жизни.

Природа Церкви

В Катихизисе сказано, что Церковь – это «от Бога установленное общество людей, соединённых Православною верою, законом Божиим,

---

⁴ Божественное Откровение – «то, что Сам Бог открыл людям, дабы они могли право и спасительно верить в Него и достойно чтить Его» (*Свт. Филарет Московский. Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви / [Сост.: свт. Филарет (Дроздов); Предисл., подг. текста, примеч. и указ.: канд. ист. наук А.Г. Дунаев]. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. С. 16.*

⁵ См.: «Тайны религии – это не секреты, которые не следует разглашать, не условные пароли заговорщиков, а невыразимые, несказанные, неопишуемые *переживания*, которые не могут облечься в слово иначе, как в виде противоречия. <...> Там, на небе – единая Истина; у нас – множество истин, осколков Истины, неконгруэнтных друг с другом <...> Догмат, как объект веры, непременно включает в себя рассудочную антиномию. Если нет антиномии, то рассудочно положение – цельно. А тогда это, во-первых, – не догмат, а научное положение. *Верить* тут нечему, очищать себя и творить подвиг – не ради чего» (*Флоренский Павел, свящ. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П.А. Флоренский. – М.: АСТ, 2003. С. 146–148.*)

⁶ Там же. С. 275.

⁷ Там же. С. 395.

священноначалием и Таинствами»⁸. Всё так, но в этой формулировке представлен лишь поверхностный, внешний аспект.

Церковь Христова не учреждается, а *рождается*, когда на Апостолов, празднующих в сионской горнице Пятидесятницу, сходит в виде огненных языков Дух Святой (Деян. 2: 1–4). Ветхозаветный праздник Пятидесятницы был посвящен дарованию Закона народу Божию, принятию им этого дара и его вступлению в Завет (ברית <берит> (евр.) – союз, договор) с Богом, а значит – созданию ветхозаветной Церкви. И вот, в день воспоминания создания ветхозаветной Церкви праздник Пятидесятницы раскрывается в своей новозаветной полноте: рождается Церковь Нового Завета – новый Израиль, Церковь Христова.

Именно рождается, потому что Дух Святой объединил Апостолов в единое *живое* целое – Церковь – Тело Христово, в котором Христос – Глава, а верные – члены Его Тела. Апостол Павел пишет: *Он есть глава тела Церкви* (Кол. 1: 18). *...Как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные; и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: „я не принадлежу к телу, потому что я не рука“, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: „я не принадлежу к телу, потому что я не глаз“, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: „ты мне не нужна“; и также голова ногам: „вы мне не нужны“. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее. И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения. И неблагообразные наши более благовидно покрываются; а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены* (1 Кор. 12: 12–27). Еще из книги Деяний о новорожденной Церкви: *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа* (Деян. 4: 32).

Описанные апостолом Павлом *со-страдание* и *со-радование* – свойства истинной церковности, признаки подлинного *воцерковления*: как душевная и

---

⁸ Свт. Филарет Московский. Пространный христианский Катехизис... С. 61.

физическая боль, так и телесная или духовная болезнь брата или сестры во Христе отзывается болью, страданием здоровых, потому что они – единое живое, а потому сопереживающее целое, Его единое Тело.

Организм от механизма ведь тем и отличается, в первую очередь, что он – живой, сопереживающий, сорадующийся и сострадающий. *Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его которою Он воздействовал во Христе и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1: 17–23).

Другой новозаветный образ, помогающий понять суть живого церковного единства во Христе, – виноградная лоза: *Я есмь истинная виноградная лоза, – говорит Господь, – а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15: 1–5).

Вне контекста этих образов, раскрывающих сущность Церкви как богочеловеческого организма, все разговоры о ней как о религиозном сообществе, организации, возглавляемой священноначалием, о канонах, дисциплине и пр. только уводят в сторону от истины, препятствуя адекватному пониманию всех, происходящих в ней, процессов.

Протопресвитер Николай Афанасьев пишет: «Церковь установлена Христом и реализована Духом в день Пятидесятницы. Дух, через Которого она начала существовать и через Которого продолжает существовать, является в ней организующим началом. <...> Дух есть начало и принцип жизни и действия в Церкви. Без Духа нет действия в Церкви, а следовательно, нет и жизни. Где нет Духа, там умирание и омертвление». И далее: «Церковь вступает в историю как **упорядоченный** организм, живущий Духом и в Духе имеющий свое устройство. Церковные правила являются свидетельством жизни Церкви, а жизнь Церкви оправдывает существование церковных правил»⁹. Как говорится, это всё, что вам надо

---

⁹ Афанасьев Н., протопр. Вступление в Церковь // Протопресвитер Александр Шмеман. Водю и Духом. Протопресвитер Николай Афанасьев. Вступление в Церковь. – М.: ПСТГУ. С. 199.

знать об основах канонического права и церковноправового мышления как такового.

Но кем (именно кем, в силу сказанного выше, а не чем) является это единство в нашем мире?

Дом Божий

Церковь – Дом Божий. В Библии под словом «дом» часто имеется в виду не здание, а род. Вот и в данном случае речь не о храме, как доме Божиим, но о Его Доме как роде, семье.

Всякий род силен традицией, почитанием родоначальника и других достойных, в понимании родовой традиции, предков, а также бережным соблюдением себя в ней общением с родственниками в нелицемерном хранении чести рода. Именно *нелицемерном*.

Церковь – род Божий, а Родоначальник – Христос. Однако и в этом случае надо помнить, что «родственников не выбирают»: не все «потомки» на протяжении двухтысячелетней церковной истории достаточно соответствовали «семейной традиции», т.е. Священному Преданию, включающему в себя Священное Писание, которое есть незыблемый критерий истинности самого Предания. Т.е. если кто-то позорит свой род, заботиться следует, в первую очередь, не о том, «что люди скажут», а о его вразумлении и исправлении поврежденного им Божиего достояния, помня обличение Спасителем фарисеев: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их* (Мф. 23: 25–26).

О всяком роде надлежит судить по родоначальнику и по тем, кто наиболее полноценно воплотил в жизнь его заветы. То же относится и к Церкви. Этот «завещательный» аспект понятия Завета был подчеркнут еще при переводе в III–II веках до Р.Х. книг Священного Писания с древнееврейского на греческий, когда термин **לָקַח** <берит> перевели на греческий язык словом **διαθήκη** <диафики>. Перевод явно промыслительный, потому что «в эллинистическом правовом языке это слово означало акт, по которому кто-либо распоряжается своим имуществом (завещание) или объявляет о своей воле, исполнение которой должно быть обязательным. Ударение ставится не столько на юридический характер соглашения, сколько на авторитет того, кто этим путем устанавливает ход вещей. Применяя это слово, греческие переводчики подчеркнули одновременно и трансцендентность Бога и Его снисхождение, положившее начало Израильскому народу и его Закону»¹⁰.

¹⁰ Словарь Библейского богословия. – Киев–Москва, 1998. С. 1107.

Завет святости

В широком смысле все христиане – святые, поскольку освящены Духом Святым в Таинстве Крещения, «сраслены» Богу, приобщены небесной вечной жизни. Но святыми, в строгом смысле этого слова, Церковь называет тех своих чад, которые являются носителями «родовой традиции», примерами для подражания, потому что не просто «временем веровали, а во время искушения отпадали» (Лк. 8: 13), но устояли в вере, преодолели искушения, и утвердились в добродетели, явив самой своей жизнью пример торжества вечной Истины над множеством преходящих «правд»; пример торжества в человеке Завета в котором он пребывает с Богом.

Кто-то в Телесном Христовом, соединяется с Главой полноценнее, а кто-то постольку-поскольку. Как бывает с деревом: по одним ветвям соки поступают полноценно, а по другим кое-как; одни ветви крепко соединены со стволом, другие надломлены. Хотя и надломленная ветвь может приносить плоды. Соединяемся-то мы со всем Телом, но в этом соединении мы неизбежно уподобляемся либо тем, кто стремится из всех сил слиться в единой жизни с Главой – Христом, либо тем, для кого это стремление не является всецелым, которые не только не являются святыми, но и не стремятся к святости, «благоразумно» снизив планку своих стремлений на достижимый уровень.

Однако заповедь «будьте святые, потому что Я свят» (Лев. 11: 45: 1 Петр. 1: 16) произнесена не для «святых от чрева матери» и не для прельщенных, и, конечно же, не в качестве риторического оборота, но для всех людей, а наипаче для тех, кто мнит себя верным. Как бы так: *Вы освящены? Так будьте же святые! Живите этой святостью! Приумножайте святость Божию в себе и не смущайтесь невозможностью достичь уровня преп. Сергия Радонежского или преп. Серафима Саровского – заповедь требует не достижения какого-то определенного уровня, какого-то всеобщего норматива, но непрерывного труда в этом направлении. Хоть шагком, хоть ползком, хоть просто лежа без сил, но на этом пути, не пытаясь пробраться к вратам Царствия иным более «цивилизованным» путем. Не исполнить нам заповедует, но исполнять всю жизнь.*

«Жительство»

«Вознесыйся на Крест волею, тезоименитому новому жительству щедроты Твоя даруй, Христе Боже», – обращаемся мы ко Господу словами крестовоздвиженского кондака. «Тезоименитому» в переводе на русский значит «соименному», а вот, о каком таком соименном Ему «новом жительстве» там говорится, которому испрашиваются щедроты? Что такое «жительство»?

В Послании к Филиппийцам апостол Павел пишет: «Наше же жительство (**τὸ πολίτευμα** <то политевма>) – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа...» (Флп. 3: 20). Греческое слово **πόλις** <полис> означает «город» или «государство», но не столько в смысле населенного пункта, геополитического пространства, сколько обустройства жизни, совокупности всех граждан. Отсюда слово **πολίτευμα** <политевма>, которое переводится как «жительство», и означает некий политический принцип, способ управления государством, государственное устройство. Отсюда: **πολίτης** <политис> – «гражданин».

Ценность земного патриотизма Церковью никогда и нисколько не принижалась, но ключевым принципом устройства ее жизни было понимание, что отечество наше на небесах, во Христе – ни эллина, ни иудея и все мы – граждане небесного отечества. Христиане мыслят Церковь, как сообщество, соединенное в Боге, а потому уже здесь и сейчас живущее по законам вечным, формулируемым применительно к земным, преходящим реалиям. Мы граждане небесного отечества, временно проживающие в мире, законы которого нам указ только до той черты, с которой они начинают противоречить законам нашего «небесного жительства», потому что небесное гражданство – это не «потом». Это «сейчас или никогда».

И что еще важно понимать о Церкви как своего рода колонии небесного отечества в мире сем: как уже было упомянуто выше, она состоит из людей, объединенных во Христе, подобно телу, в котором Он – голова, а мы порознь члены, но специфика этого единства такова, что каждый член Церкви остается до конца свободным в своем выборе. Будучи призван жить согласно «политическому принципу» небесного отечества, он свободен решать, *насколько* он хочет соответствовать своему призванию, *насколько* он хочет быть *последовательным* в своем выборе. И некоторые из нас, внешне оставаясь в ограде Церкви и даже занимая в ней высокие посты, внутренне от Христа отпадают. О таких Он говорит: *...Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня* (Мф. 15: 8).

Если обратиться к образу виноградной лозы, то един сердцеведец Бог знает, кто из нас плодоносящая ветвь на ней, кто – надломленная, но еще не отпавшая, а кто и вовсе – отломившаяся, отсеченная и засохшая. Поэтому судить мы об этом с уверенностью не можем (даже о себе, а о других и вовсе лучше не судить, но собою заниматься), разве что осторожно предполагать, но никак не на основании иерархического статуса, своих или людских симпатий-антипатий, а на основании дел (хотя иной раз и слово – поступок), как пишет блж. Феофилакт Болгарский: «...всякий человек, который чрез веру стал частью корня, соединился с Господом и соделался сотелесником

Ему, должен и плод приносить – вести жизнь добродетельную, так что если кто-нибудь имеет только голословное исповедание веры, а не приносит плода чрез соблюдение заповедей, тот делается ветвью мертвой, ибо *вера без дел мертва* (Иак. 2: 26)»¹¹.

При описании Церкви, образы виноградной лозы и виноградника органично сочетаются с образом больницы, где Господь – Врач, нужду в Котором испытывают те, кто сознают себя больными и нуждающимися в исцелении.

Когда мы говорим, что *Церковь – святая*, мы имеем в виду вовсе не духовное здоровье и личную святость ее членов, в том числе священноначалия, но *ее причастность святости Божией*. Церковь состоит из людей, признающих, что они больны грехом, и желающих исцелиться во Христе. Она подобна больнице, а в больнице всякое бывает: и пациенты режим нарушают (хотя, казалось бы, зачем тогда легли?), и врачи порой ведут образ жизни, от которого предостерегают своих же пациентов, иногда случаются врачебные ошибки и злоупотребления (какие-то обнаруживаются и пресекаются, какие-то нет), но, при всех недостатках, лечебный процесс обеспечивается необходимыми условиями и средствами, благодаря которым у квалифицированных и добросовестных врачей есть возможность успешно лечить, а у сознательных пациентов – возможность лечиться.

Больница Христова – это и место, где собираются *созванные* Врачом. Отсюда и название Церкви на греческом языке.

Экклесия

Слово «церковь» – перевод греческого слова **ἐκκλησία** <экклесия> от **ἐκκαλέω** <эккалео> – призываю, созываю.

В Древней Греции так называлось народное собрание – верховный орган власти. И если уж проводить аналогии с античностью, то свободный гражданин не только *имел* право, но *обязан* был участвовать в выборах и состоять в партиях, то есть быть политически активным. Свобода и связанные с нею права обязывали к ответственному и активному их осуществлению, иначе можно было их и лишиться. Аналогично и наше положение: людей, созванных Богом в Церковь, обязывает и к достойной личной позиции, и к активному участию в церковной жизни, в том числе и во всех аспектах ее соприкосновения с миром.

Церковь – это не стихийно сложившееся сообщество по интересам, но собрание, *созванное* Богом, сообщество, *откликнувшихся* на Его призыв.

---

¹¹ *Блж. Феофилакт Болгарский*. Благовестник: В 4 т. – 3-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. Т. 4. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 424–425.

В Символе веры мы именуем Церковь Единой, Святой, Соборной и Апостольской: *единство, наполняемое Духом Святым, пребывающее в целостности полноты Его дарований, устроенное изначально среди Апостолов и распространенное ими*. И вот это самое важное.

Церковь, исповедуемая нами в Символе веры, являет себя как всемирная или, как принято говорить, Вселенская Церковь, территориально-канонически подразделяющаяся на Поместные Церкви.

При этом каждая Поместная Церковь (греч. **τοπική ἐκκλησία** <топикι экклизия>) – это, выражаясь словами архиеп. Василия (Кривошеина), «всецелое, неуменьшенное выявление в определенном месте»¹² Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. «Наименование „поместная“ указывает на ограниченность – прежде всего географическую – конкретной церковной области в противоположность к „всемирной“, или Вселенской Церкви»¹³.

Поэтому, касаясь темы канонического деления Вселенской Церкви, надо иметь в виду две вещи: во-первых, как бы она ни подразделялась, как бы ее составные части – Поместные Церкви – ни структурировалась, как бы ни отличались они по статусам, этносам, культурам – они, как выразился один из участников Большого Софийского Собора (879–880 гг.), «составляют одну душу и одно дыхание»¹⁴. Во-вторых, говоря о самостоятельности даже Автокефальных Церквей, следует делать поправку на то, что и их самостоятельность относительна, поскольку все они составляют единую Церковь Христову, а потому взаимозависимы и, кроме Божественного Откровения, сохраняемого в Священном Писании и Священном Предании, руководствуются постановлениями Вселенских Соборов и иными общецерковными правилами.

Традиционно «Поместной Церковью» называется Автокефальная Церковь, простирающаяся на территории одного или более государств, никак не ограничивая их суверенитет, располагаясь попросту в ином измерении. Другой важный признак Автокефальной Церкви – полная самостоятельность

---

¹² Цит. по: *Скурат К.Е.* История Православных Поместных Церквей [Электронный ресурс] // Седмица.RU. Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/441198/> (дата обращения: 01.11.2024).

¹³ Поместная Церковь [Электронный ресурс] // Древо: Открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/21707.html> (дата обращения: 09.07.2020).

¹⁴ Цит. по: *Дионисий (Шленов), игум.* Первенство Константинопольского епископа в Византии и Поствизантии: канонический и богословский аспект // Эстонская Православная Церковь: 100 лет автономии. [Сборник материалов одноименной конференции (Таллин, 26–27 ноября 2020 г.)] / Ред. прот. Игорь Прекуп. Таллин, 2021. С. 75.

в воспроизводстве своей иерархии. То есть все ее епископы, включая Предстоятелей, избираются и поставляются своими органами управления.

В отличие от Автокефальной, Автономная Церковь обладает ограниченной самостоятельностью и, как минимум, избрание ее Предстоятеля санкционируется Кириархильной Церковью, т.е. той Поместной Церковью, в которой Автономная канонически состоит.

Первичная форма Поместной Церкви – епархия: территориальная церковная община, возглавляемая епископом.

Существует соблазн рассматривать эти канонические структуры, как параллельно существующие по отношению к Церкви как Телу Христову, о котором говорит апостол Павел. Однако невозможно провести демаркационную линию: вот тут Церковь Христова, та самая Единая, Святая, Соборная и Апостольская, а по ту сторону – «человеческие» структуры, якобы созданные архиереями, под себя придумавшими правила, которые они же сами назвали священными канонами и которыми подменили заповеди.

Основы церковного права

«Правовые заповеди Спасителя и постановления, изданные боговдохновенными апостолами (о епископах и диаконах – 1 Тим. 3: 1–13, об отношении к государственной власти – Рим. 13: 1–7), содержащиеся в Священном Писании, а также те заповеди, которые, хотя и не вошли в Писание, но хранились в Церкви изначально, как Откровенная истина, как Священное Предание, составляют, по общепринятой у канонистов терминологии, Божественное право (*jus divinum*)»¹⁵.

Царство Мое не от мира сего (Ин. 18: 36), – говорит Христос. Выше мы говорили, что Церковь – это своего рода сообщество людей, готовящихся к «репатриации» в небесное Отечество – в то самое Царство, которое не от мира сего и по законам которого это сообщество должно жить уже сейчас, во время странствования в мире сем. Вспомним, как богоизбранный народ, Древний Израиль, сначала, вступив при горе Синай в Завет с Богом, стал ветхозаветной Церковью, а затем, прежде чем вселиться в Землю обетованную, еще 40 лет путешествовал по пустыне, учась жить согласно заключенному Завету, избавляясь от рабского сознания, привыкая быть свободным.

Так же и Новый Израиль – Церковь Христова: она символично рождается во время празднования апостолами ветхозаветной Пятидесятницы – дня рождения ветхозаветной Церкви через вступление Древнего Израиля в Завет с Богом – Завет временный, приговорительный и, на момент евангельских

¹⁵ *Цытин В., прот.* Церковное право. – М.: Изд-во МФТИ, 1994. С. 28.

событий, уже «ветхий»; Завет, которому пришло время обновиться, раскрывшись в полноте Нового Завета, вечного. Родившись в праздник дня рождения ветхозаветной Церкви, Церковь новозаветная, аналогично странствованию Древнего Израиля в Землю обетованную, начинает свое странствование навстречу всеобщему воскресению из мертвых и жизни будущего века.

Новый Израиль странствует в мире сем уже около 2000 лет. И как путешествие Израиля Древнего по Аравийской пустыне изобиловало и подвигом веры, и отступничеством, так и история Израиля Нового полна потрясений и множества событий, падений и достижений, в которых проявляется и немощь человеческая, и, самое главное, совершаемая (и познаваемая) в ней (и через нее) сила Божия (2 Кор. 12: 9). Как Древний Израиль управлялся на основе Божественного права, так и Новый Израиль руководствуется им в своей внутренней жизни и отношениях с внешним миром.

Древний Израиль был государством теократическим – управляемым Богом через судей, а затем царей, на основании данного через Моисея Закона, включавшего положительное право. Церковь Христова, тоже будучи теократическим сообществом, управляется, руководствуясь положительным церковным правом, основывающимся на Божественном праве, данном нам в Божественном Откровении, сохраняющимся, как уже было упомянуто выше, в формах Священного Писания и Священного Предания.

Произнесенные при горе Синай вслух всему народу десять заповедей (так называемый Декалог или Десятословие) были начертаны на двух каменных скрижалях. На одной – заповеди, определяющие отношение человека к Богу, на другой – к ближнему. Когда Спасителя спросили о наибольшей заповеди в Законе, Он, выражая суть обеих скрижалей – любовь к Богу и ближнему, ответил: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (в Мк. 12: 30 еще сказано *и всею крепостию твоею – И.П.*): *сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждаются закон и пророки* (Мф. 22: 37–40).

Господь, изрекая эти слова, отталкивался от уже известных текстов: *...Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими* (Втор. 6: 4–5) и *...люби ближнего твоего, как самого себя* (Лев. 19: 18).

Двуединая заповедь триединой любви (подразумевается также богоугодная любовь человека к себе) – это общий для Ветхого и Нового Заветов канон (стержень и мерило) Божественного права и истекающего из него

церковного права. Ближайшая же к церковному праву богословская отрасль – догматическое учение о церкви, экклесиология. Более того, согласно протопр. Н. Афанасьеву, «церковное право, как наука, представляет из себя особый вид экклесиологии. Она изучает жизнь Церкви как живого и живущего организма»¹⁶.

Рассматривать церковное право в отрыве от экклесиологии – гарантированное впадение в одну из двух противоположных крайностей: законничество или церковноправовой нигилизм. Ибо, как можно ориентироваться в церковном праве, не понимая природы Церкви, не ориентируясь в церковной жизни, не умея отличить в ней природное от примешавшегося извне (будь то из мира, будь то от врага рода человеческого)? Как, не имея ясного экклесиологического сознания, обнаружить подмену в церковной жизни? Как, даже распознав ее, не принять эмпирическую сторону церковной жизни, определяемую этой подменой, за саму церковную жизнь? Как, из-за этой помутненности церковного сознания, отчаявшись, не впасть в ту или иную крайность: либо, пуще всего боясь отпасть от Церкви, принять эту подмену как нечто должное и стать соучастником (пассивным, а то и активным) в этом зле, либо, отождествить с этой подменой всю Поместную Церковь, в которой был выявлен соблазн? И тогда вариантов много: или уйти в раскол, или, «расцерковившись», отпасть «в никуда», или же, внешне оставаясь в Церкви, податься во «внутреннюю эмиграцию» с хулой на все «порочное сообщество» и т.п. Вариантов много. Но суть одна – отпадение от Церкви Христовой. И тем хуже, если внешне, может, и незаметное.

Церковное и каноническое право

Подобно тому, как в современной постхристианской цивилизации естественное право является основой положительного права, Божественное право – основа положительного права в созданном Богом сообществе – Церкви Христовой.

Говоря о церковном праве, мы имеем в виду две области церковного правоведения: каноническое право и церковное право. Их обычно отождествляют, синонимизируют, но, думаю, необходимо иметь в виду, что, по мнению многих, в основном, западных, канонистов, между этими отраслями права все же стоит усматривать отличие, исходя, в первую очередь, из разных объемов этих понятий. Один из наиболее известных специалистов в этой области, прот. Владислав Цыпин тоже склонен

---

¹⁶ *Афанасьев Н., протопр.* Вступление в Церковь / Протопресвитер Александр Шмеман. Водой и Духом. Протопресвитер Николай Афанасьев. Вступление в Церковь. – М.: ПСТГУ. С. 199.

признавать эти термины взаимозаменяемыми, но все же приводит в своих лекциях иное мнение, согласно которому «каноническое право (*jus canonicum*) – все то право, которое произошло от Церкви в эпоху Вселенских Соборов на Востоке и до конца Средневековья на Западе, независимо от того, касается оно церковных или гражданских дел. А церковное право (*jus ecclesiasticum*) – это право, касающееся Церкви, независимо от законодателя»¹⁷. То есть, предметом церковного права являются «правовые акты, регулирующие церковную жизнь, независимо от их происхождения: будь то древние каноны, церковные постановления позднейшей эпохи или законы, изданные светской властью»¹⁸. Таким образом, даже богоборческие законодательные акты, регулирующие жизнь Церкви в обществе или, точнее сказать, ее выдавливание на периферию общественной жизни, а то и за ее пределы, как, например, ленинский декрет от 20.01.1918 г. о «Свободе совести, церковных и религиозных обществах» (известный, как Декрет об отделении церкви от государства и школы от Церкви), тоже являются церковноправовыми документами.

В рамках данной статьи, говоря о церковном праве, мы имеем в виду именно каноническое право.

Каноны – кто они?

Уже более года, как вопросы канонического порядка стали предметом не то, чтобы широкого обсуждения, а скорее споров без понимания основ христианского, в частности, церковного самосознания. Казалось бы, разве можно что-то обсуждать, на будучи компетентным в предмете разговора? Оказывается, можно. Ведь спорят, как правило, не для того, чтобы что-то понять, а чтобы убедить в своей правоте если не оппонента, то хотя бы аудиторию. Ну, а правым человек себя считает уже заранее, исходя зачастую из интересов – личных или корпоративных – или из приверженности стереотипам, которые по каким-либо причинам, опять же, удобны (та же корысть, заинтересованность, или просто иррациональная ненависть к противнику лично или к его мировоззрению).

Отрадно, что находятся люди, искренне интересующиеся вопросами религиозного сознания, в том числе проблемой соблюдения канонических древних и, казалось бы, анахроничных норм в нашем изменчивом мире.

Само по себе слово «канон» ассоциируется в нашем сознании с чем-то твердым, постоянным, незыблемым. Кто интересуется богослужением, знает, что так называется уставная часть богослужения. А благодаря интенсивному обсуждению с начала прошлого года в СМИ и соцсетях вопросов, связанных

---

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Там же.

с юрисдикционной принадлежностью ЭПХЦ, слово «канон» в значении «церковный закон» стало знакомым практически любому обывателю, в т.ч. и тем людям, которые в эти споры не вникают, и которых церковная жизнь не интересует.

Однако тут все же есть нужда в пояснениях, потому что отождествлять закон и канон – ошибочно. Есть общие черты, но сказать, что каноны – это те же законы только церковные (как если бы нужда была их как-то особо назвать исключительно во избежание путаницы) – это, по меньшей мере, неоправданное упрощение. Можно говорить об определенной совместимости, но никак не о тождестве этих понятий.

Для начала немного этимологии. Греческое слово **κανόν** <канон> происходит от **κάμη** <кани> – тростник. Изначально так называлась прямая палка, которая использовалась для разных целей, а потому и название это стало применяться к разным предметам. Так называли, например, рукоятки щита с внутренней стороны, ткацкий челнок, а также *правило*¹⁹, снурок, отвес, лот, *мерило*. Обобщая функции этих предметов, человек стал понимать под каноном то, что они определяли: *правило*, норму, образец. Отвесом определяется вертикаль, *мерилом* (в том числе лотом) – количество, объем, величина, расстояние. Ими выявляют кривизну, при их помощи избегают нарушения меры, предотвращают аварии. Снурком стягивают, на него нанизывают – образуется единство, в котором он – стержень, причем, что важно, стержень *мягкий, гибкий*, но с которого не сорвешься. Он же, будучи натянут по горизонтали, служит ориентиром при кладке стен.

Снурок – не сама ровность и не сама по себе ровная стена, но при его помощи ровность находят и воплощают в материале. *Правило* также служит выравниванию поверхности. Видя красивые дома, люди любят их пропорциями, точностью линий, не думая ни о *правиле*, ни о *снурке*, ни об *отвесе*, на нем висящем, ни о каких-либо других простейших измерительных приборах, без которых этой красоты не было бы. Сами эти предметы не являются ни мерой, ни образцом, ни нормой, но они *помогают определять меру, соблюдать норму, придерживаться образца, приводить предмет в соответствие замыслу о нем*. Именно в этом смысле рассматривает этимологию термина «канон» один из самых авторитетных канонистов Иоанн Зонара²⁰. Подобно тому, как *правило* – палка для выравнивания, шлифовки поверхности, так *церковные правила* – это средства для

---

¹⁹ *Правило* – большая деревянная линейка, используемая при кладке стен для проверки их ровности и выравнивания.

²⁰ См.: Иоанн Зонара. Толкование послания св. Афанасия Великого о праздниках // Правила святых апостол и святых отец с толкованиями. М.: Паломник, 2000. С. 144.

выявления и выравнивания кривизны и шероховатостей, а не шаблоны наподобие прокрустова ложа.

*Прочная, выверенная, незыблемая структура – существенный признак каноничности. Однако «каноническое» не есть все «допустимое». Область допустимого, приемлемого может быть намного шире, но канон – эталон, мерило, относительно и посредством которого определяются *пределы допустимого*, критерий, соответствие которому определяет меру доверия в этой области.*

Обобщая изложенное выше о сущности канонов и их основе, можно сказать, что каноническое право – это систематизированное, образно говоря, словесное воплощение *Божественного права*, которое содержится в *Божественном Откровении*. Будучи составной частью Священного Предания, каноны как ограда любви – это правила, помогающие выстраивать отношения (как между личностями, так и между сообществами) на фундаменте заповедей Христовых, высшая из которых – двуединая заповедь триединой любви: к Богу, себе и ближнему.

Если, соблюдая государственное законодательство, достаточно руководствоваться концепцией естественного права, то церковная правомочность канонов и других церковных нормативных документов, а также их толкование определяется соответствием Божественному праву (а не здравому смыслу, народным обычаям, государственным, корпоративным или же личным интересам). Более того, Божественное право, содержащееся, как мы уже говорили, в Священном Писании и Священном Предании, включающем в том числе и экклесиологию как систематизированную форму учения о Церкви, безусловно *является для христианина критерием правомочности и светских законов.*

Известна правовая максима, приписываемая блж. Августину: **lex iniusta non est lex** (*несправедливый закон – не закон*). Выше мы упоминали о правовых коллизиях в нацистской Германии. Можно сказать, что хотя бы интуитивное знание этой правовой максимы, ее понимание и применение этого принципа в качестве критерия правомочности к тогдашнему законодательству избавило от соучастия во зле и внутренних терзаний тех граждан Германии, кто высоко ценил законопослушание, но не принимал нацистской идеологии, а заодно и вытекающего из нее всего противоправного законотворчества Третьего Рейха. В то время как правовой позитивизм, акцептирующий любые акты положительного права и признающий неуместными вопросы о их справедливости, сводящий право к действующим в конкретное время и конкретном месте законам, послужил инструментом манипуляции в руках злодеев во власти и явил всему миру свою непригодность в правовом

государстве. Но, судя по аргументации, которую приводят в пользу законопроекта поправок к Закону о церквях и приходах, похоже, не для всех это очевидно.

Канонические связи и отношения

Выше мы рассматривали разные аспекты церковной жизни, ее структуру и внутренние связи, духовные и правовые основы ее внутреннего устройства и управления. Однако все это вторично по отношению к Церкви, которая есть богочеловеческое единство, осуществляемое, в первую очередь, сакраментальным путем: воссоединяясь с Богом в таинстве Крещения, человек рождается в вечную жизнь и вступает в Церковь, получает дары Духа Святого в таинстве Миропомазания и причащением Тела и Крови Христовых в таинстве Евхаристии венчает единение с Богом и Его Церковью, которое поддерживается внимательной жизнью по заповедям, безотлагательным, после отпадения в грех, воссоединением с Ним в таинстве Покаяния и, по возможности, частым причащением.

Евхаристия – центральное Таинство Церкви, Таинство Собория, в котором вся церковная полнота является в каждом отдельно взятом месте, где совершается Литургия.

Но, будучи единством духовным, и в этом отношении таинственно-непостижимым, Церковь одновременно живет в мире, в обществе, она сама, наконец, представляет собой сообщество, структура и нормы жизни которого, основываясь на Божественном Откровении, адаптируются к жизни в обществе таким образом, чтобы, живя в нем, сохранять свою природу неповрежденной, т.е. существовать не только юридически и экономически, как любая общественная организация, но именно как Церковь, как *пребывающее в мире сем «жительство» Царства не от мира сего*. Иными словами, существовать социально-политически и экономически, приспособив внешние формы (структуру, статус, название и пр.) к вызовам времени и предлагаемым обстоятельствам, выстраивая своего рода ограду, ради сохранения и осуществления в условиях мира сего внутреннего, ценностно непреходящего и незыблемого в своей основе содержания. Функцию этой, оберегающей церковную жизнь, ограды исполняют святые каноны.

Мы называем их «святыми», потому что они сформулированы в стремлении обустроить жизнь Церкви в соответствии с призыванием всех христиан к святости Божией, пребывающей в Его Церкви. Каноны помогают нам богоугодно выстраивать порядок церковной жизни, решать проблемы, неизбежно вызываемые человеческими немощами, а то и порочностью, предписывая соответствующие той или иной ситуации действия. Будучи

«оградой любви», каноны помогают нам приобщаться святости Божией, неся вслед за Христом свой крест, и идя, таким образом, путем святости, не сбиваться с него.

В частности, каноны оберегают иерархические и структурные взаимоотношения, регламентируя их и предписывая меры духовно-дисциплинарного воздействия за нарушения, установленных на основе Божественного права, канонических норм, а также определяя порядок обращения в церковный суд, его состав и пр. В том числе, предусматривая меры защиты клириков от злоупотребляющих властью архиереев, чем, в частности, опровергается утверждение, что каноны якобы сочинялись епископатам под себя (трактовались нередко так, но это уже другое дело). «Церковные правила, – пишет протопр. Николай Афанасьев, – не были выявлением воли отдельных лиц или церковного народа, но проистекали из природы Церкви»²¹.

Наилучшим образом церковные канонические отношения можно объяснить через семейные связи. Каждая семья – это не только отдельные уникальные личности порознь, но и связи между ними: не только биологические связи или духовно-нравственные, не только взаимоотношения как таковые, но и принятые в обществе в целом и в конкретной семье сами нормы их выстраивания. С этой категорией семейных связей, в отличие от биологических, не рождаются, это воспитывается. Культура, которая, по меткому замечанию Юрия Лотмана, «начинается с запретов», в том числе культура межчеловеческих взаимоотношений, формирует такие связи и формы их поддержания, которые характеризуют именно человеческое общество, в отличие от животного мира.

В семье человек проходит основополагающую социализацию, усваивая, «что такое хорошо, и что такое плохо», с кем и как следует себя вести, как подобает выражать свои чувства, а как – неприлично. Обычно именно в семье всё это выстраивается в соответствии с теми установками, которые приняты в обществе. И если семейное воспитание (мы не забываем о том, что ребенка воспитывает и другая среда: школа, улица и т.п., но семья – основа) не подготавливает к взаимоотношениям в обществе, у человека могут быть проблемы, как у «невоспитанного», с довольно жесткими, в итоге, социальными последствиями. Вплоть до того, что станет изгоем.

Канонические правила действуют примерно так же: они указывают путь, направление движения и пределы, за которые уклоняться нельзя, иначе есть

---

²¹ *Афанасьев Н., протопр.* Вступление в Церковь / Протопресвитер Александр Шмеман. Водой и Духом. Протопресвитер Николай Афанасьев. Вступление в Церковь. – М.: ПСТГУ. С. 198.

риск оказаться вне сообщества, в котором эти пределы приняты. Но самое главное, эти правила помогают выстраивать внутри Церкви межличностные и межструктурные отношения, соответствующие *ее богочеловеческой природе*. И они же помогают строить отношения с внешним миром – как с отдельными людьми, так и с обществом, государством – таким образом, чтобы ни внутри Церкви не допустить злоупотреблений, ни миру сему не позволить вторгаться в ее внутреннюю жизнь и, что, может быть, еще важнее, удерживая Церковь от соблазна духом мира сего, от сущностных подмен.

Подобно тому, как взаимоотношения между родственниками регулируются не только естественными чувствами и моральными обязательствами, но, если не могут любовно договориться, то и государственным законодательством – так же и в Церкви, на случай, если не хватает любви (а ее не хватает в той или иной степени довольно часто, иной раз очень даже остро), сориентироваться, как поступить по-христиански, помогают каноны, которые, нет, не замена любви, но ее ограда, выстроенная Церковью по любви же и снисхождению к человеческой немощи; *не вместо* заповедей, а *в поддержку* им.

Другое дело, что, как в дни земной жизни Спасителя, так и ныне, хватает желающих подменять заповедь Божию «своим преданием», учением человеческим. Но по ним не стоит судить о каноническом праве и делать выводы, что канонические связи формируются только там, где нет любви и требуются так называемые «меры канонического воздействия». Там, *где нет любви, каноны бесполезны*, если не хуже, потому что применение их без любви, не по любви, не ради любви – богопротивное законничество. Ведь, если они «ограда любви», а любви нет, нечего и ограждать, нечего охранять и сохранять. Какой смысл в такой «ограде»?..

В норме, каноны – это вспомогательные средства поддержания канонических связей, отношений. Кстати, необходимо различать эти понятия. Каноны – это акты положительного права, изданные и акцептированные в Церкви, а канонические связи и отношения возникают не вследствие издания специального канона, но естественным и духовным путем. «Каноническими» они называются в силу своего *соответствия* канонам, которыми регулируется их осуществление и поддержание²².

---

²² Следует также отличать понятия «каноничного» и «канонического». Окончания *-ный* и *-ский* указывают на разные отношения. Первый на качество, второй на принадлежность: «каноничный» указывает на качество поступка, решения, состояния (каноничное решение, каноничное рукоположение, каноничный брак и т.п.), а «канонический» – на принадлежность к области канонического права (каноническое правило, канонические отношения, связи, документы и т.п.). Мы можем также говорить об *антиканоничных* действиях, т.е. противоречащих конкретным канонам, разрушающих каноническое устройство Церкви, качественно неприемлемых с т.зр. канонического права.

Если вернуться к аналогиям светского положительного права, семья (в норме) возникает и формируется на основе взаимной любви мужчины и женщины и интимной близости между ними (в отсутствие которой, брак, в случае прекращения, может быть не расторгнут, а аннулирован), но мы называем брак «законным» лишь в том случае, если он зарегистрирован в законном порядке. И это оправданно: брак – это общественный институт, и в этом качестве он должен соответствовать законодательству. Так же и отношения в Церкви: они (в норме) строятся на любви к Богу и ближнему, путем совместного исповедания веры и единения в Таинствах, путем преемственности рукоположений в священный сан и рождений водою и Духом, но, поскольку само иерархическое устройство Церкви, порядок совершения Таинств и возникающие духовные и нравственные обязательства регулируются каноническим правом, то и называются эти глубокие, живые связи – «каноническими».

Созданию семьи, порой задолго, предшествует знакомство, завязывается общение, в процессе которого зарождаются чувства или, наоборот, часто вспышка чувств предшествует знакомству и началу общения, формируются межличностные близкие отношения, которые в определенный момент получают официальную рецепцию общества при заключении брака. Формы рецепции уже зависят от места совершения брака, а также от религиозной, культурной и гражданской принадлежности сочетающихся и их процедурно-ритуальных предпочтений (кто-то, например, предпочитает просто прийти соответствующее муниципальное учреждение вдвоем и «расписаться»). Вследствие заключения брака, между мужем и женой возникают новые гражданско-правовые отношения, в том числе новые отношения родства и свойства, имеющие юридическое измерение (кстати, отношения свойства не прекращаются вместе с прекращением брака), а их близость (я о христианской норме, а не о преобладающей практике) переходит на новый уровень.

Современное законодательство призвано обеспечивать правовую защиту как института семьи, так и каждой личности, в особенности детей (насколько адекватно этой цели осуществляемое законотворчество и как это воплощается на практике – отдельный, очень болезненный вопрос). В случае развода родителей, суд определяет их права попечения, место проживания детей и порядок общения с ними, а также усыновление/удочерение или, наоборот, например, отказ от отцовства (процедура, кстати, очень непростая, не путать с лишением прав попечения).

То есть, мы видим, как естественные отношения регулируются законодательно, они приобретают, как мы уже говорили, правовое измерение, становятся не только естественными, но и юридическими

связями. И, если биологические связи нерасторжимы, то юридические – вполне. Но только в законном порядке. Недостаточно просто перестать признавать действительность какой-либо юридической связи, чтобы считать ее расторгнутой, и вести себя так, словно ее нет. Например, один из супругов может считать свой брак прекращенным по каким-либо, возможно, веским причинам, но, пока он не расторгнут в законном порядке, опостылевший брак все равно продолжается юридически. И, например, состоящий в нем мужчина, если только в его государстве не действуют законы шариата, женившись на другой женщине, окажется в конфликте с законом, как двоеженец.

Опять же, юридическое расторжение брака не влечет за собой автоматически расторжение брака освященного, церковного, «венчанного». Он продолжается, пока его расторжение не признает (если еще признает) Церковь в лице епархиального архиерея или, по его благословению, приходского священника. И только тогда каноническая связь, возникшая при совершении таинства Брака, будет расторгнута. Иначе говоря, юридические связи образуются на основании действующего законодательства, и на его же основании расторгаются (или нет). Аналогично и канонические связи возникают в контексте Божественного права, регулируются канонами, и на их же основании расторгаются.

Указание на возникновение духовной и, одновременно, канонической связи мы видим у апостола Павла, обращающегося к коринфским христианам со словами: *...я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (1 Кор. 4: 15).

Единство разделяемое и нераздельное

Апостол Павел в вышеупомянутом Первом послании к Коринфянам после традиционного приветствия плавно переходит к обличению. Он укоряет коринфян за разногласия и разделения на почве предпочтений, отдаваемых тому или иному апостолу, участвовавшему в зарождении и становлении их общины: *...Сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: „я Павлов“; „я Аполлосов“; „я Кифин“; „а я Христов“.* Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя (1 Кор. 1: 11–15). И далее: *Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий* (1 Кор. 3: 5–7).

Если пренебрегать контекстом этого послания, можно сделать поспешный вывод, что связи коринфян с апостолами Петром, Павлом и Аполлосом – ничто. Один Христос и никто кроме Него не значим для местной Церкви. Казалось бы, нет никаких канонических связей, не возникает никаких особых отношений с просветителями и устроителями церковного сообщества. Да и о каких «канонических отношениях» можно говорить, применительно к апостольским временам, когда никаких канонов не было, а многие первохристианские общины и слова-то такого не знали?

Однако из текста послания этого не следует. Формально, конечно, канонических правил еще не было, но связи, которые впоследствии начнут так называться, формировались с самого начала зарождения и распространения христианства. Апостол Павел, напоминая коринфянам, что они их родил благовествованием, ведь не в какие-то сентиментальные воспоминания ударяется, а выстраивает иерархические отношения, обосновывая свое право наставлять и обязанность коринфян прислушиваться к нему. Он им отец. При этом подчеркивается, что родил он их не через совершение таинства Крещения, т.е. он им стал отцом не через их сакраментальное «рождение свыше» и, таким образом, вхождение в Церковь Христову, а через благовестие Истины, которым они были просвещены ко спасению.

Да, Христос по значимости не сопоставим со своими «соразработниками», и, чтобы сфокусировать на этом внимание коринфских христиан, апостол Павел, на первый взгляд, словно отрицает значимость как самих «только служителей», так и отношений, возникающих между «Божией нивой» (1 Кор. 3: 9) с одной стороны и «насаждающими» и «поливающими» ее – с другой.

Однако весь тон и контекст послания указывают на то, что возникновение духовных связей между «соразработниками у Бога» и Его «нивой» осознавалось как несомненная данность, требовавшая лишь прояснения. Апостол Павел, с одной стороны, выделяя по значимости Бога и как бы низводя до нуля значимость апостолов, предостерегает Церковь от преувеличенного почитания наставников, попросту говоря, от нового идолопоклонства: «гуруизма», младостарчества и пр. А с другой – он же подчеркивает свое духовное отцовство и происходящие отсюда, по аналогии с отцовством по плоти, иерархические отношения между ним и коринфянами. То есть, он не отрицает, а *регулирует* эти объективно существующие отношения, *правит*, закладывая основы канонического оплота духовных связей в Церкви (по аналогии с правовым оплотом естественных семейных отношений): *Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я*

родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу (1 Кор. 4: 14–16).

Какое отношение имеет всё вышеизложенное к каноническим отношениям в Церкви Христовой: между Поместными Церквами и между их подструктурами, между клириками всех трех степеней и мирянами в ситуациях морального и канонического выбора? В частности, в той ситуации, которая сложилась в Эстонии, когда государство в лице МВД и правящей политической коалиции предпринимают целенаправленные усилия для принуждения автономной Эстонской Православной Христианской Церкви к разрыву всех канонических и духовных связей с Московским Патриархатом.

Самое прямое, потому что, если исходить из того, что Церковь Христова – это Дом Божий, род Христов, Новый Израиль, народ Божий, а Поместные Церкви и епархии в них – это духовные семьи, то закономерен вопрос: есть ли разница к какой из семей этого рода принадлежать? Почему столько проблем делается из объединения или разъединения этих семей, из перехода членов одной семьи в другую семью? К чему эти пережитки феодализма, «закрепоощающие» (в первую очередь, клириков) в определенной юрисдикции? Что в этом криминального, если род один – Церковь одна? И тогда напрашивается вывод, что аргументы ЭПХЦ, все объяснения причин, по которым она не может или не желает переходить в параллельную структуру Константинопольского Патриархата в Эстонии (ЭАПЦ), все ссылки на каноническое право – это всё пустое, «законническое», «от лукавого», обусловленное имперским сознанием, происками российских спецслужб и пр.

Вывод естественный, но, тем не менее, ошибочный, как исходящий из распространенных ложных стереотипов мышления, а также из-за непонимания или нежелания ни понять природу Церкви и ее канонических норм, ни мыслить о ней свободно от мирских стереотипов. Впрочем, и тут, при желании, можно воспользоваться аналогиями из гражданского права.

Можно ли, согласно семейному праву, переходить из семьи в семью? Разумеется, да. Все ли равно, кому с кем и как объединяться? Предоставить это решать самим людям? Безусловно, нет. Казалось бы, как можно вмешиваться в такую сугубо интимную сферу, «лезть в чужую постель» и указывать кому бы то ни было, кого любить и с кем сближаться, с кем завязывать отношения, строить семью, заводить детей? И тем не менее, законодательство регулирует эти вопросы, исходя из принятых в конкретном государстве представлений о естественной норме. Как уже было отмечено выше, государство регламентирует заключение и расторжение браков, усыновление/удочерение и права попечения о личности, ставит пределы для

близкородственных отношений, определяет возраст согласия и условия, на которых несовершеннолетние могут вступать в брак, устанавливает обязанности материального попечения.

Перейти из одной семьи в другую или создать новую – не зло. Это нормально. Злом будет сделать это в нарушение моральных норм, принятых правил приличия и государственных законов. Так же и в Церкви: переходить, завязывать новые отношения можно только свободно, в согласии с совестью, христианской нравственностью и канонами, нарушение которых касается не той или иной семьи только, но всей Церкви. Любой грех надрывает связь между согрешающим человеком и Богом, а поскольку Церковь – Тело Христово, то и с ней, ставя нарушителей ее порядка *вне ее как таковой в целом*. Как нарушение семейного законодательства – это не только ущемление интересов той или иной семьи или лиц, но преступление против общества в целом, так и *«локальный» грех против церковного единства – грех против всей Церкви*.

Происхождение и становление канонической связи ЭПХЦ с РПЦ

И вновь вспомним слова апостола Павла, обращенные к Церкви в Коринфе: *...я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (1 Кор. 4: 15). Кто *родил благовествованием* эстонских православных христиан?

О времени первых обращений в православие жителей земель современной Эстонии мы не располагаем точными сведениями. Однако можно предположить, что, благодаря торговым связям с близ расположенными Новгородом и Псковом, это произошло до основания в 1030 г. Ярославом Мудрым города Юрьева (Тарту), где были построены православные храмы. Святейший Патриарх Алексей II (Ридигер) в своем капитальном труде «Православие в Эстонии» пишет, что «...к концу XII в., следуя примеру святых апостолов, православные монахи из Пскова, Полоцка и Новгорода мирным словом уже сделали большое дело, и православие в Прибалтийском крае пустило здоровые и прочные корни»²³.

Достоин внимания, что в своем выступлении на семинаре «Реакция церквей и религиозных сообществ на войну и конфликты» (Вильнюс, 22 марта 2023 г.) Патриарх Константинопольский Варфоломей отметил, что «правитель Киевской Руси Владимир крестил огромную территорию, соединявшую Балтийское море с Черным»²⁴. Это важное признание Константинопольским

²³ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. М.: Правосл. энциклопедия, 1999. С. 35–36.

²⁴ Выступление Святейшего Вселенского Патриарха Варфоломея на семинаре «Реакция церквей и религиозных сообществ на войну и конфликты» (Литва, 22 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Христиане против войны. URL: <https://shaltnotkill.info/vystuplenie-svyatejshego-vselsenskogo-patriarha-varfolomeya-na-seminare-reakciya-czerkvej-i-religioznyh-obshhin-na-voynu-i-konflikty-litva-22-marta-2023-g/> (дата обращения: 24.03.2023).

Патриархом просвещения предков современных эстонцев не византийскими, как это утверждал митр. Григорий (Папатома), а русскими миссионерами, деятельность которых «оставила неизгладимый след в эстонском языке. Это касается, в частности, слов, именующих основные средства проповеди: **rist** – *крест* и **raamat** – *книга* (от славянского слова «*грамота*»). Эстонский глагол **ristima** – *крестить* тем самым, что происходит от слова **rist**, указывает на укорененность в сознании средневековых эстов просвещения с Востока, потому что именно в русском языке таинство рождения в жизнь вечную обозначается словом, устанавливающим связь как с Крестом Христовым, так и с крестом, который каждый христианин несет по жизни. Для сравнения: во многих европейских языках это таинство обозначается словами, происходящими от древнегреческого **βαπτίζω** (ваптизо) – буквально: *погружаю*, а немецкое **taufen** – *крестить* происходит от **tauchen** – нырять, опускать в воду»²⁵.

Православие на территории современной Эстонии поначалу мирно проповедовалось одновременно с католичеством, пока в XIII веке распространение православной традиции не было насильственно прервано экспансией крестоносцев. В Тарту православные держались до 1472 года, когда были замучены приходской пастырью святой Исидор Юрьевский с 72 прихожанами, а незадолго до этого ушедший оттуда священник Иоанн Шестник (в монашестве – Иона) основал Псково-Печерский монастырь, преподобный игумен которого Корнилий в XVI веке, когда, казалось бы, православие было окончательно выкорчевано в этом крае, проповедовал не только эстонцам, жившим в окрестностях монастыря, но доходил до Нарвы, основал приходы в Нейгаузене (ныне – Вагселийна) и в других местах.

Возрождение православия в Остзейском крае, преимущественно в Лифляндии, приходится не на XVIII век, как того можно было бы ожидать после завоевания этой территории Петром I, ее выкупа у Швеции и присоединения к России по Ништадтскому мирному договору от 10.09.1721 г., а лишь на середину XIX в., точнее на 1841 г. Причем начинается этот процесс не по инициативе Государя и Святейшего Синода, а поначалу скорее вопреки воле русского правительства, традиционно опиравшегося в Лифляндии и Эстляндии на власть остзейского немецкого дворянства, которое очень жестоко отреагировало на стремление эстонских и латышских крестьян присоединиться к православию. Их обращение в православие и пребывание в нем на долгие десятилетия стало исповедничеством. Землю под постройку храмов помещики (за редким исключением) не давали, не

---

²⁵ *Балашов Н., прот., Прекуп И., прот.* Проблемы Православия в Эстонии: О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». – Таллинн, 2013. С. 22–23.

позволяли использовать и арендуемые крестьянами помещения. Многие приходы не имели церквей, люди молились в частных домах, казармах, конюшнях, сараях и т.п. (интенсивное храмостроительство начинается только в 70-е гг. XIX века).

Спонтанное движение к православию в среде самих эстонцев, латышей и шведов, несмотря на правительственные утеснения, доходившие до прямых репрессий со стороны местных властей²⁶, было поддержано лучшими иерархами Русской Церкви. Тогда же по существу начинается процесс канонического оформления Латвийской и Эстонской поместных Церквей: основывается Рижская кафедра (викариатство – в 1836 году, самостоятельная епархия – в 1850 году), затем в составе Рижской епархии в 1917 г. вслед за административным расширением Эстляндской губернии на территорию северной Лифляндии, на всю территорию современной Эстонии расширяется и Ревельское викариатство, во главе которого (а временно и во главе всей епархии) ставится первый епископ-эстонец – священномученик Платон (Кульбуш)²⁷. Год спустя, 14 января 1919 года красные комиссары Куль, Рятсепп и Оттер перед отступлением из Тарту расстреляли его.

В 1919 г. Высшим Церковным Управлением Московского Патриархата была учреждена самостоятельная Эстонская епархия, которая в 1920 г. тем же органом управления была преобразована в автономную Эстонскую Православную Церковь, после чего во архиепископа Таллиннского и всея Эстонии, с предварительным принесением присяги на верность Московскому Патриарху и всему священноначалию Православной Российской Церкви, был рукоположен священник Александр Паулус. В 1923 г. эта автономная структура, которую православные эстонцы еще до обретения ею статуса самостоятельной епархии называли «Эстонской Апостольско-Православной Церковью», *перешла* (антиканонично, поскольку не было даже попытки получить на это согласие Матери-Церкви) в Константинопольский Патриархат. В 1941 г., с началом советской оккупации, она вернулась в Московский Патриархат, затем, с началом немецко-фашистской оккупации в ней произошел раскол, который был уврачеван в 1945 г. Спустя два года после восстановления независимости Эстонской Республики, в 1993 г. вновь произошел раскол, последствия которого полностью не преодолены по сей день²⁸. Это, если в самых общих чертах.

---

²⁶ Об этом см., напр.: *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии.* – М.: Правосл. энциклопедия, 1999. С. 166–169, 252–254, 291.

²⁷ Причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 г.

²⁸ Чтобы вкратце ознакомиться с этими историческими процессами, см.: *Прекуп И., прот.* Эстонская Православная Христианская Церковь: историческая справка [Электронный ресурс] // Эстонская Православная Христианская Церковь. Официальный сайт. URL: <https://ru.orthodox.ee/eocmp-history/> (дата обращения 10.07.2025).

На момент начала проповедования русскими миссионерами православия среди предков современных эстонцев «вся Русь» состояла в Киевской митрополии Константинопольского Патриархата. Нынче за каждым великопостным утренним богослужением, а в остальное время года и за всенощным бдением, в молитве, начинающейся словами «Спаси, Боже люди Твоя и благослови достояние Твое...», перечисляются наиболее почитаемые святые, как вселенского масштаба, так и особо значимые именно для формирования Русской Церкви. Среди них в частности поминается свт. Михаил, чья роль особо подчеркивается: *первый митрополит Киевский*. Сириец по происхождению (его преемниками в дальнейшем долгое время были исключительно греки), он прислан был на Русь Константинопольским Патриархом Николаем Хрисовергом в 988 г. Этим поминовением подчеркивается благодарная память не только о нем, но и о всех священниках и архиереях, прибывавших просвещать Русь светом Евангелия и обустраивать новорожденную местную Церковь. Их русские преемники около тысячи лет назад передали этот свет жителям земель современной Эстонии.

К тому времени, когда в XIX в. началось возрождение православия, за спинами пастырей и архипастырей, окормлявших новообращенных эстонцев, стояли уже поколения святых подвижников веры, внесших вклад в созидание и сохранение православного духовного и культурного наследия. Таким образом, эстонцы, вступавшие в Церковь Христову через пастырей и архипастырей, получивших благодать священства в Русской Поместной Церкви, приобщались и к их святым предкам. Это было не какое-нибудь формально-каноническое присоединение к «вере русского царя», но именно приобщение к духовной семье, вхождение в нее: не только вступление в *каноническое общение со своими современниками в Поместной Церкви*, но и *установление канонических связей как с ними, так и со всем сонмом ведомых и неведомых нам, но ведомых одному Богу, святых, участвовавших в ее духовном становлении*. Потому что «у Него все живы» (Лк. 20: 38).

Это отношение к единению со всей Поместной Церковью не может утратить актуальности, поскольку касается духовного, вневременного измерения Церкви. Канонические и духовные связи, как уже было сказано, переплетены. Поэтому все соединения и разъединения, переходы и принятия должны происходить так, чтобы не нарушался установленный в Церкви Христовой священный порядок, сформулированный в канонических правилах. Потому что, когда они нарушаются, происходит расстройство церковной жизни в целом, не на формально-каноническом уровне, не в отдельном только месте и по какой-то отдельной статье, а во вселенско-

церковном масштабе и на том уровне, который в рациональных категориях описать невозможно.

Современная РПЦ и связь ЭПХЦ с ней

Несколько слов о терминах и понятиях, и о путанице, связанной с ними. *Московский Патриархат* (МП) и *Русская Православная Церковь* (РПЦ) – два термина с тождественным значением, т.е. обозначающие одно понятие. В каноническом плане – это Поместная Церковь, в которой состоит множество людей, объединенных верой и традициями, унаследованными от святых предков по духу; это единство во Христе, которое не сводится ни к Патриарху, ни к Священному Синоду, ни к какому-либо другому общецерковному органу управления, содержащее, хранящее и развивающее совокупность духовных и культурных ценностей. Однако в этом единстве каждый свободен выбирать, поступать ли ему по заповедям Божиим, приобщаться ли к духовной культуре Церкви, или же жить так, словно он о Боге ничего не знает. Поэтому, как в любом сообществе, в Московском Патриархате на всех иерархических уровнях встречаются разные люди, как праведные, так и порочные. Но о Церкви, как и о любом другом сообществе, логично судить по тем людям, кто живет в соответствии с исповедуемой верой, вне зависимости от их иерархического статуса и процентной доли относительно общего количества.

РПЦ – это не только ее священноначалие и управляемые им структуры, действующие как на ее канонической территории (в т.ч. и за пределами России), так и в диаспоре. РПЦ – это сообщество, которое определяется не столько формальными признаками, сколько сущностной принадлежностью к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

В первую очередь, РПЦ – это миллионы искренне и глубоко верующих людей, среди которых встречаются носители уникального духовного опыта и мудрости. Речь, как мы уже обращали внимание выше, не только о живых. Это и покинувшие наш мир святые, память и мощи которых почитаются нами – светильники духа, на протяжении тысячелетней истории русского православия являвшие, что есть жизнь во Христе, в том числе новомученики и исповедники российские, засвидетельствовавшие и сохранившие веру под богоборческой властью в советскую эпоху.

Есть и другие существенные для понимания РПЦ как духовно-культурного явления, аспекты: это, во-первых, огромное и многовековое богословское и культурное наследие, представленное как в документах, научно-богословских исследованиях и литературе, так и в архитектуре, музыке, изобразительном и прикладном искусстве. Во-вторых, это действующие учреждения духовного, богословского, общего и дополнительного

образования, а самое главное – это люди работающие, точнее, служащие в них. В-третьих, это социальная деятельность, просветительская, миссионерская, издательская и многое другое. Поэтому, как бы ни заблуждались и ни грешили отдельные, пусть и многие представители РПЦ, это не может обесценить ее духовного и культурного богатства в целом, и не может служить основанием для расторжения общения. С нашей стороны было бы безумием – в знак протеста против чьих-то заблуждений или грехов лишать себя «источника воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4: 14).

Московская Патриархия – это понятие, которое часто путают с *Московским Патриархатом*. Например, когда говорят, что кто-то «объединился с Московской Патриархией» или «вышел из подчинения Московской Патриархии», в обоих случаях имеют в виду РПЦ, то есть Московский Патриархат. Тогда как *Московская Патриархия* – это бюрократический аппарат при Патриархе Московском, помогающий ему в управленческих вопросах (или другими словами – канцелярия Патриарха).

Московский Патриарх – это Предстоятель РПЦ, ее первенствующий архипастырь.

Что важно понимать в контексте споров, которые ведутся в отношении Московского Патриархата и нежелания ЭПХЦ расторгнуть с ним канонические связи? В основном вся проблема состоит в том, что ответственность за высказывания Патриарха Кирилла в поддержку военной агрессии Российской Федерации против Украины переносится на весь Московский Патриархат. Это можно было бы назвать ошибкой, если бы не связанные с ней манипуляции, имеющие вполне ясные политические цели. Что важно понимать, чтобы не оказаться жертвой этих манипуляций?

Будучи первенствующим иерархом в РПЦ, Патриарх Московский и всея Руси, *не является в ней высшим органом управления*. Согласно ст. 7 Устава РПЦ, «высшими органами церковной власти и управления являются Поместный Собор, Архиерейский Собор, Священный Синод во главе с Патриархом Московским и всея Руси». Патриарх возглавляет эти органы управления, председательствует в них, но *не руководит ими, как начальник подчиненными*. Согласно п. 2. Главы IV Устава Русской Православной Церкви, в отношении епископата РПЦ Патриарх – это «первый среди равных». Он уполномочен выступать от имени Церкви, однако, его голос, при высокой авторитетности, не всегда является *голосом всей возглавляемой им Поместной Церкви*. У него, как личности, есть право на собственное мнение, он вправе его выражать, но никто, кроме него, за его высказывания ответственности не несет, ни личной, ни, тем более, коллективной.

Как Первоиерарх Поместной Церкви, он функционально является, в том числе, ее символической фигурой в плане осуществления канонического единства как внутри РПЦ, так и на межправославном уровне. Его поминование в традиционной форме как «Великого господина и отца» является указанием на эту его функцию и, по сути, это не только и не столько молитвенное поминование его лично, сколько декларация канонического единства со всей Поместной Церковью, первенствующим архиереем которой он является.

Поминование Патриарха на всех приходах – это традиция именно русского православия, прописанная в Уставе РПЦ и основывающаяся на традиционном в ней же толковании 15 правила Двукратного Константинопольского Собора. В остальном православном мире принята другая практика поминования: на епархиальных приходах поминают только епархиального архиерея. Тот, в свою очередь, поминает первенствующего архиерея структуры, объединяющей разные епархии, например, экзархата, митрополии, митрополичьего округа или Автономной Церкви. А первенствующий архиерей – Патриарха.

Если бы в ЭПХЦ, которая подразделяется на две епархии: Таллинскую во главе с митр. Евгением (Решетниковым) и Нарвскую и Причудскую во главе с еп. Лазарем (Гуркиным), действовала эта практика, то на приходах Таллинской епархии поминали бы только митр. Евгения, на приходах Нарвской – только еп. Лазаря, который поминал бы митр. Евгения, как Предстоятеля ЭПХЦ, и только митр. Евгений – Патриарха Кирилла как Предстоятеля РПЦ.

Богословски такое понимание и практическое применение 15 правила более верно, чем укоренившееся в Московском Патриархате, поскольку не может быть двух и более правящих архиереев у епархии, которая, как мы помним из сказанного выше, – первичная форма Поместной Церкви. В любом случае, такое постепенное поминование – символ церковного единства: поминая первенствующего архиерея, объявляют о единстве тех канонических структур, среди правящих архипастырей которых он первенствует. И это ничего абсолютно не говорит ни о его личных качествах, ни о личном отношении к нему тех, кто его в качестве такого символа единства поминают.

Громкое (не столько в голосовом, сколько в эмоционально-стилистическом смысле) именование Патриарха Московского и всея Руси «Великим господином» вовсе не означает, что у него есть право «господствования» в Поместной Церкви над всем ее епископатом, священниками и диаконами, монашествующими и мирянами. Титулы – это зачастую дань истории,

традиции, уходящей корнями в давно исчезнувшую Византию. Как уже было сказано, Патриарх в Русской Церкви, будучи по положению правящим архиереем Московской епархии (каноническая территория – г. Москва и Московская область), по отношению к прочему епископату РПЦ он имеет первенство чести, а не власти. Другое дело, что Патриарх, по положению, возглавляет органы управления РПЦ и в промежутках между созывами Соборов, управляет Русской Православной Церковью с помощью ее Св. Синода, но, *в норме, согласно ее Уставу*, отнюдь не дублируя архиерейскую власть и не переподчиняя себе епархии напрямую, за исключением экстренных случаев, предусмотренных, например, Положением о церковном суде.

Поэтому если кто говорит о «прямом подчинении ЭПХЦ Московскому Патриарху, то либо не понимает, о чем говорит, либо сознательно вводит аудиторию в заблуждение. Не вполне корректно говорить и о подчинении ЭПХЦ Московскому Патриархату, поскольку Патриархат – это, как уже было сказано, вся Поместная Церковь. Можно говорить о каноническом (*не административном*) подчинении ЭПХЦ органам управления РПЦ в той степени, которая предусмотрена Уставом ЭПХЦ и Томосом Патриарха Алексия от 26.04.1993 г. А канонические отношения с самой РПЦ в целом уместно определять не как подчинение, а пребывание в составе.

И тут еще важно развести по разные стороны два совместимых понятия – Мать-Церковь и Кириархальная Церковь. Материнская Церковь – та, которая просветила и, как минимум, заложила основы канонического устройства: прислала и/или поставила из новообращенных духовенство, учредила приходы, епархии и т.д. Что бы потом в дальнейшем ни происходило, но эта Церковь навсегда останется Матерью по отношению к той структуре, которую, образно говоря, родила.

Кириархальная Церковь²⁹ (от гр. **κύριος** <кириос> – господин и **ἀρχή** <архи> – начало, управление) – это Поместная Церковь, в составе которой находятся епархии (если помнить, что епископология и канонически самостоятельная епархия – это уже Церковь, ее первичная форма), некоторые из которых могут быть объединены, например, в Автономные Церкви. Кириархом называют Предстоятеля Кириархальной Церкви. Так вот, если Мать-Церковь *одна навсегда*, то Кириархальность зависит от фактического канонического положения на тот или иной исторический момент.

---

²⁹ См. подр.: Кириархальная Церковь [Электронный ресурс] // Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». URL: <https://www.pravenc.ru/text/1840229.html> (дата обращения: 14.07.2025).

Применительно к истории православия в Эстонии мы видим следующую картину. Мать-Церковь для эстонского православия, по душе это кому-то или нет, одна навсегда – это Русская Православная Церковь, как бы она ни называлась на протяжении истории: Русская митрополия, Греко-Восточная Российская Церковь, Православная Кафолическая Греко-Российская Церковь, Православная Кафолическая Восточная Греко-Российская Церковь, Российская Православная Церковь, Православная Российская Церковь, Московский Патриархат – это одна и та же Поместная Церковь, в том числе и на той стадии, когда она была автономной частью Константинопольского Патриархата. Так же и для РПЦ Матерью-Церковью является Константинопольский Патриархат – это навсегда.

А вот с кириархальностью все намного сложнее. Если Константинопольская Православная Церковь была Кириархальной Церковью по отношению к Русской Церкви до 1448 г. (сразу оговорюсь, что это очень условная дата начала размежевания Русской и Константинопольской Церквей, по сложившейся в русской церковной историографии традиции, выдаваемая за начало автокефалии Русской Церкви), то не позже, чем с 1590 г., когда Константинопольский Собор Восточных Патриархов первый раз утвердил, состоявшееся в 1589 г. учреждение Московского Патриархата, Константинопольский Патриархат уже не является по отношению к нему Кириархальной Церковью. Т.е. как только автокефалия Русской Церкви была признана Восточными Патриархами, кириархальный статус по отношению к ней со стороны Константинопольской Церкви стал достоянием истории.

Так же и в отношении Эстонской Православной Церкви. До ее перехода из Московского Патриархата в Константинопольский в 1923 г., Кириархальной Церковью для автономной Эстонской Церкви был Московский Патриархат, после перехода Кириархальной Церковью стал Константинопольский. В 1941 г., после возвращения ЭАПЦ в РПЦ, Мать-Церковь вновь становится Кириархальной Церковью. Во время войны часть ЭАПЦ, преобразованной при переходе в РПЦ в Эстонскую епархию, выходит из подчинения руководству Кириархальной Церкви, но и с Константинопольской отношений не возобновляет, потому как немецкая оккупационная власть сколь деликатно, столь же настойчиво предписала этого не делать. В 1945 г. отпавшие во время войны приходы воссоединяются с Кириархальной Церковью. Затем в 1993 г. происходит раскол, в результате которого эстонское православие оказалось разделенным между двумя Кириархальными Церквями – Московским и Константинопольским Патриархатами.

С 1996 г., после совместного и одновременного принятия Св. Синодами обоих Патриархатов Цюрихских соглашений, раскол был *преодолен*, это

канонический факт. Но, к сожалению, как уже отмечалось выше, из-за неисполнения руководством ЭАПЦ Цюрихских договоренностей, раскол так и остается *неуврачеванным* по сей день. Как объяснил эту ситуацию митр. Таллиннский и всея Эстонии Евгений, «неуврачеванность раскола из-за неисполнения Цюрихских соглашений руководством ЭАПЦ не позволила нам начать сослужение, поскольку это означало бы согласие с неравноправием, согласие с нарушением обязательств и, самое неприемлемое: согласие с тем, что все это нормально!»³⁰.

Итак, подводя черту: у ЭПХЦ и ЭАПЦ одна Мать-Церковь – это Московский Патриархат, но разные Кириархальные Церкви.

Вместо заключения

В самом начале этой статьи, сравнивая регулирование правовых вопросов в религиозной и семейной сферах, мы отметили важность для правового государства оставаться в пределах своей компетенции, не вторгаясь, что называется, «во внутренние покои». Причем это самоограничение важно не только для институтов семьи или Церкви, но в не меньшей степени для самого государства и управляемого им гражданского общества, если они дорожат свободой, угроза которой может исходить отнюдь не только со стороны агрессивного иностранного государства, но и изнутри, со стороны тех, кто, спекулируя на угрозе государственной безопасности, якобы исходящей со стороны ЭПХЦ из-за ее нежелания поступаться своей внутренней свободой и совестью, манипулирует общественным сознанием и мало-помалу подменяет основы правового государства, подспудно формируя противоположную форму управления – полицейское государство. Это не ново. Как отмечают многие специалисты в области защиты прав человека, «и Советский Союз, и фашистская Германия 1930-х годов ограничивали индивидуальные права на свободу совести со ссылкой на „национальную безопасность“»³¹.

Целенаправленно подменяя в общественном сознании понятия, ряд государственных и общественных деятелей (как недавно выяснилось, за счет

---

³⁰ Евгений (Решетников), митр. Истоки кризиса церковно-государственных отношений в Эстонии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Эстонской Православной Христианской Церкви. URL: <https://ru.orthodox.ee/media/2025/03/krizis-czerkovno-gosudarstvennyh-otnoshenij-v-estonii-istoki-prichiny-i-puti-preodoleniya-mitr.-evgenij-reshetnikov.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

³¹ Эльснер Р. Свобода совести и вероисповедания в экстремальных политических условиях [Электронный ресурс] // Официальный сайт Эстонской Православной Христианской Церкви. URL: <https://ru.orthodox.ee/media/2025/03/svoboda-sovesti-i-veroispovedaniya-v-ekstremalnyh-politicheskikh-usloviyah-prof.-regina-elsner.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

налогоплательщиков) уже три с половиной года, особенно же последние полтора, ведут против ЭПХЦ информационную войну, создавая ей в общественном сознании имидж «агента мягкой силы Кремля», «субподрядчика кремлевских спецслужб»³², организации, созданной Сталиным, как инструмент влияния, лишь прикрывающейся религиозной деятельностью (из чего следует логичный вывод, что и в методах ее нейтрализации неуместно оглядываться на свободу вероисповедания), и т.п.

В апреле 2024 г. со стороны МВД ЭР началось давление на ЭПЦ МП с целью вынудить ее разорвать административные, канонические и духовные связи с Русской Православной Церковью, но, «не встретив понимания» со стороны Церкви, были предприняты шаги для ее принудительной юридической ликвидации. 6 мая 2024 г. Парламентом Эстонии было принято Заявление «О признании Московского Патриархата институтом, поддерживающим военную агрессию Российской Федерации»³³, а 23.10.2024 г. бывшим министром внутренних дел Лаури Ляэнеметсом был инициирован Законопроект по внесению поправок в Закон о церквях и приходах, который был принят Рийгикогу 09.04.2025 г., но в «исправленном» виде закон не был провозглашен Президентом Эстонии Аларом Карисом ни в первой версии, ни в косметически обработанной второй. Президент указал на непропорциональность ограничений свободы вероисповедания и свободы объединений, отметив, что «...нельзя вводить неясные и чрезмерные запреты, которые затрагивают саму суть свободы вероисповедания и объединений и не являются необходимыми в демократическом обществе...»³⁴. По всей вероятности, вопрос будет рассматриваться в Государственном суде ЭР.

---

³² *Пеэтер Тали*: «Русская православная церковь не является Церковью, а выступает в качестве субподрядчика кремлевских спецслужб, поэтому деятельность этой враждебной организации в Эстонии должна быть прекращена как можно скорее». Стенограмма заседания Рийгикогу 06.05.2024 г. [Электронный ресурс] // Riigikogu. URL: <https://stenogrammid.riigikogu.ee/202405061500#PKP-822556> (дата обращения: 03.03.2025).

³³ Moskva patriarhaadi kuulutamisest Venemaa Föderatsiooni sõjalist agressiooni toetavaks institutsiooniks [Электронный ресурс] // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/308052024001> (дата обращения: 08.01.2025). См. подр.: Riigikogu avaldus „Moskva patriarhaadi kuulutamisest Venemaa Föderatsiooni sõjalist agressiooni toetavaks institutsiooniks“ 420 AE [Электронный ресурс] // Riigikogu. URL: <https://www.riigikogu.ee/tegevus/eelnoud/eelnou/a63612bd-e8b4-4649-a0c7-38f852c7c34b/riigikogu-avalduse-moskva-patriarhaadi-kuulutamisest-venemaa-foderatsiooni-sojalist-agressiooni-toetavaks-institutsiooniks-eelnou-420-ae/> (дата обращения: 08.01.2025).

³⁴ См.: *Alar Karis*. 545. Kirikute ja koguduste seaduse muutmise seaduse väljakuulutamata jätmine [Электронный ресурс] // Vabariigi Presidendi Kantselei. URL: <https://president.ee/et/ametitegevus/otsused/57234-545-kirikute-ja-koguduste-seaduse-muutmise-seaduse-valjakuulutamata-jatmine> (дата обращения: 14.07.2025).

Принципиальная позиция Президента и его аргументация – это серьезное основание всему обществу задуматься, что за процессы в нем происходит и во что его пытаются превратить. Хотим ли мы быть гражданским обществом? Дорожим ли мы конституционными основами нашего государства или готовы вестись на манипуляции тех, кто, под предлогом защиты свободы вероисповедания, попирает ее; кто, под предлогом консолидации общества, дестабилизирует его и разжигает в нем неприязнь к социальной группе, стигматизируемой по признаку канонической принадлежности к Московскому Патриархату, который весь, в целом, во всем его разнообразии действующих в разных странах автономных структур, зарубежных епархий, монастырей и приходов – шельмуется, как организация, поддерживающая агрессивную войну (при том, что зарубежные структуры Московского Патриархата неоднократно выражали свою антивоенную позицию, за которую в самой России немало представителей духовенства уже пострадало).

Осенью прошлого года в Таллинне состоялась научно-практическая конференция, посвященная проблеме единства православия в Эстонии и правовым основам церковно-государственных отношений. В рамках своего доклада профессор Мюнстерского университета, доктор теологии Регина Эльснер отметила, что «даже в условиях войны и оправданных интересов безопасности государства, религиозная свобода – право человека выбирать религию и исповедовать ее в соответствующей общине – не должна ограничиваться государством. Напротив, можно добавить, что свобода совести, как и все другие права человека, должна быть под особой защитой в условиях войны. Напоминаем, что право на свободу совести и религии защищает, прежде всего, личное право от посягательств извне. Даже в сложных условиях войны, когда, например, другие собрания могут быть запрещены по соображениям безопасности, религиозные люди имеют право на совместную молитву»³⁵.

Эта мысль была дополнена прот. Тоомасом Хирвоя, который в своем докладе, посвященном восстановлению единства эстонского православия путем обретения автокефалии, сказал: «...Я вижу в давлении со стороны государства Божью руку, призывающую нас к покаянию и исправлению ситуации»³⁶.

---

³⁵ Эльснер Р. Свобода совести и вероисповедания в экстремальных политических условиях [Электронный ресурс] // Официальный сайт Эстонской Православной Христианской Церкви. URL: <https://ru.orthodox.ee/media/2025/03/svoboda-sovesti-i-veroispovedaniya-v-ekstremalnyh-politicheskikh-usloviyah-prof-regina-elsner.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

³⁶ Хирвоя Т., прот. Автокефалия Эстонской Православной Церкви как возможность нормализации положения православия в Эстонии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Эстонской Православной Христианской Церкви. URL: <https://ru.orthodox.ee/media/2025/03/avtokefaliya-estonskoj-pravoslavnoj-czerkvi-prot-toomas-hirvoya-1.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

Созвучно ему другой эстонский пастырь, прот. Иувеналий Каарма, размышляя о канонических связях эстонского и русского православия и вспоминая духоносных пастырей, служивших в Эстонии, обратил внимание участников конференции, что именно всепонимающая христианская любовь понимает и «особенность другого человека. Можно предположить и заметить, что многие недоразумения между нами порой связаны с тем, что мы слишком национальны. А во Христе должна возникнуть „новая тварь“³⁷, это наше призвание, мы ведь к этому и стремимся. Свой характер, конечно, трудно изменить, но его можно удобрить росой духовной»³⁸.

Если мы будем стараться видеть действие Промысла Божия в том числе и в обстоятельствах, которые сами по себе плохи, если, последовательно и решительно отстаивая гражданские права и свободы в церковно-государственных отношениях, будем направлять испытываемые нами скорби во благо, еще внимательнее сосредоточиваясь на своем христианском призвании, тогда только у нас и получится, с Божией помощью, сохранить, очистить от ложных примесей, укрепить и развить существующие канонические связи с Матерью-Церковью и восстановить нарушенные духовные и канонические связи между разделенными частями православия в Эстонии.

---

³⁷ ...*Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. 5: 17).

³⁸ *Каарма И., прот.* Перспективы, возможности и канонические пути воссоединения двух православных автономных церковных структур в Эстонии. URL: <https://ru.orthodox.ee/media/2025/03/perspektivy-vozmozhnosti-i-kanonicheskie-sposoby-voossoedineniya-dvuh-pravoslavnyh-avtonomnyh-czerkovnyh-struktur-v-estonii-prot.-iuvenalij-kaarma.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).